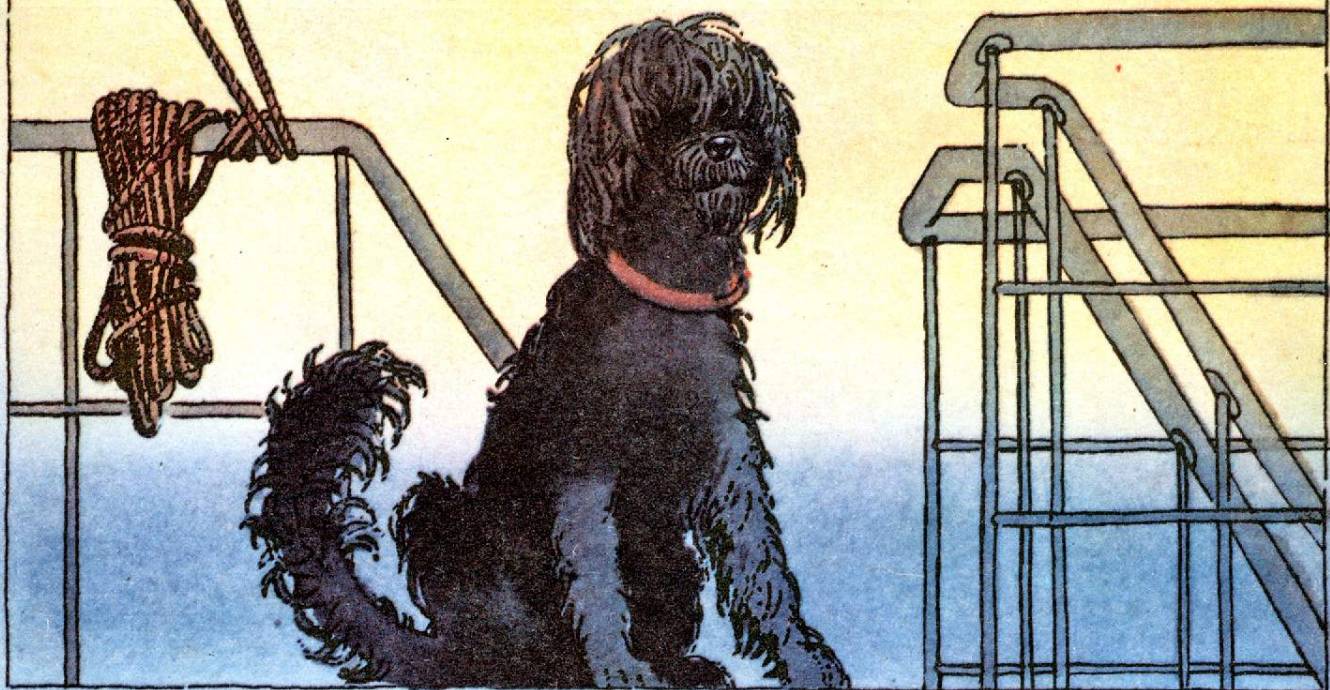
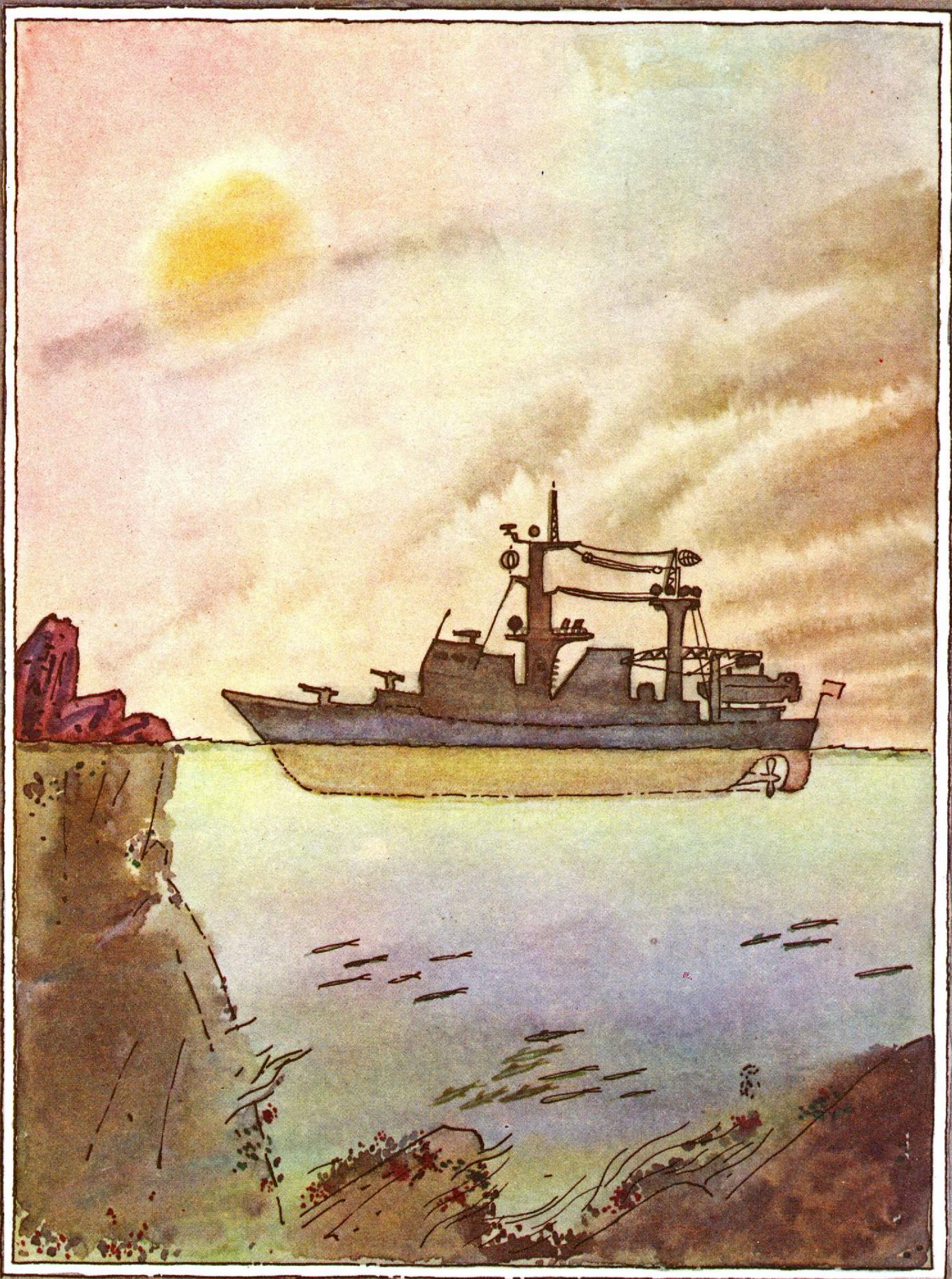

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

ЧЁРНЫЙ ПЁС В МЕДНОМ ОШЕЙНИКЕ

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

ЧЁРНЫЙ ПЁС

В МЕДНОМ
ОШЕЙНИКЕ

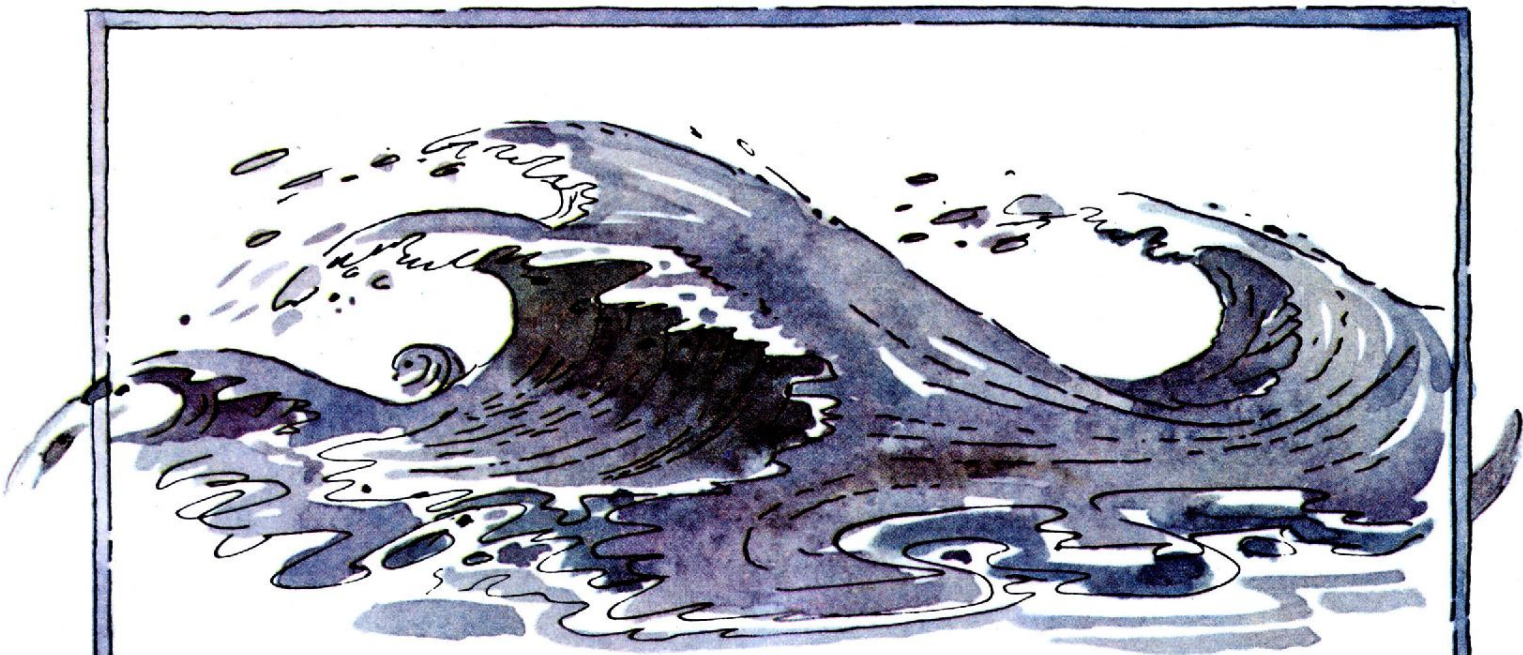
Художник Е. Свердлов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ» МОСКВА
1992

Ксеничке

Ветер разворошил шерсть на морде и открыл большой тёмно-карий внимательный глаз. Другой был забросан чёрными космами, но и он — я был в том уверен — смотрел на меня сквозь густые прядки так же внимательно, грустно и умно: «Ну, расскажи им всем мою историю! Ведь ты всё про меня знаешь! Ведь ты умеешь говорить!»

Хорошо, расскажу...

1

Герой моего в общем-то не грустного рассказа осиротел на третий день жизни, когда у африканских берегов Средиземного моря на корму спасательного судна «Садко» обрушилась огромная шальная волна. Лавина взъярённой воды докатилась и до укромного уголка палубы, где старая корабельная дворняга Шармутта прикрывала от непогоды хвостом и лапами четырёх новорождённых щенят. Увы, её смыло за борт вместе с подстилкой и миской. А когда шторм утих, боцман Некряч обнаружил внутри бухты* старого водолазного шланга мокрого плачущего щенка. Море пощадило его и счастливым чудом забросило в спасительный колодец из колец скрученного шланга. Так младший сын Шармутты обрёл не только жизнь, но и своё первое имя. Его нарекли Шлангом.

Боцман отнёс мокрого псёнка в кубрик и, держа его на ладони, спросил у матросов:

— Ну, кто усыновит животное?

Стать хозяином Шланга вызвался молодой матрос Федя Котов. Из старой тельняшки он устроил щенку подстилку в тихом и тёплом уголке между деревянным рундуком (ящиком, где матросы хранят одежду) и стальным бортом, оклеенным крашеной пробковой крошкой. Шлангу сразу стало там хорошо, он согрелся и затих, а когда Федя принёс соску, сделанную из аптечной пипетки, и наполнил её разбавленной сгущёнкой, кутёнок и вовсе позабыл пережитые невзгоды.

Через месяц-другой Шланг, изучив все углы большого кубрика, уже ловко перекарабкивался через высокий порог и пытался под-

* Бухта — (здесь) свёрнутый в кольца шланг, канат и т. п.

няться по ступенькам трапа к квадратному вырезу люка, в котором голубело небо и из которого лился солнечный свет, насыщенный терпкими запахами моря. То был вход в огромный неведомый мир...

Мир этот всё время качался вверх-вниз или переваливался с боку на бок, так что Шланг жил как бы на больших неостановимых качелях. Если море швыряло «Садко» совсем уж немилосердно, Шланг забивался в свою «шхеру», как прозвали моряки его уголок, ложился на бок, упирался лапами в рундук, а спиной в борт. Так и штормовал.

Когда корабль пришёл в Севастополь и Федя отнёс Шланга на берег, щенок, сделав два-три шага, завалился на бок. Он не умел ходить по незыблемой земле. Правда, он быстро освоился, но всё равно бегал враскачку, смешно переваливаясь.

Он долго нюхал камни, траву, землю... Всё было пугающе ново. Нос его с первых минут жизни привык к запахам машинного масла, солярного топлива, корабельной краски, резины водолазных рубах, флотского борща, ваксы матросских ботинок. Он не знал запахов трав, деревьев, собак, дворов, домов. И уж тем более — кошек. И когда из зарослей ежевики на асфальтовую дорожку вылез драный одноглазый портовый кот Пират, лишившийся ока в бою со складскими крысами, выгнул тощую спину и издал при виде Шланга бойцовское шипенье, недопёсок со всех ног бросился к спасительной сходне, перекинутой с кормы на причал.

— Экий же ты трус, братец! — укоризненно покачал головой боцман Некряч.

Из всех моряков на спасательном судне Шланг выделял трёх человек особо: своего хозяина — матроса Федю Котова, хозяина палубы — боцмана Некряча и хозяина корабля — рослого капитан-лейтенанта Вересова.

Федя Котов приносил с камбуза — корабельной кухни — вкусные мозговые кости, расчёсывал Шлангу длинную чёрную шерсть, учил протягивать лапу и подавать по команде голос. Он сделал из красной меди ошейник и надел его на Шланга. При этом он объяснил ему, что на корабле много электрических машин и вокруг них, когда они работают, возникает сильное магнитное поле. Чтобы оно не приносило вреда собаческому организму, нужно носить на шее это медное кольцо. И пусть Шланг не обижается, ошейник нужен вовсе не для того, чтобы привязывать к нему поводок, а для сохранения здоровья. Шланг, конечно же, ничего не понял, но к тяжёлому ошейнику скоро привык. По субботам, когда на «Садко» устраивали большую приборку и все медные, латунные и бронзовые вещи на корабле чистили до блеска, Федя Котов снимал с пса медный ошейник и тоже начищал его специальной пастой до красного сияния.

Однажды он отнёс медный обруч корабельному врачу, и тот зубоврачебным бором выгравировал надпись: «с/с «Садко». Что означало: «спасательное судно «Садко».

— Ну вот, теперь ты форменный спасатель! — сказал Котов, просовывая в ошейник длинные уши Шланга.

А вот другой подарок хозяина понравился Шлангу куда больше. Федя сплёл верёвочный коврик и постелил его на палубе вместо старой тельняшки. И Шланг сразу понял: отныне это будет его койка.

Здесь же на корме — или, как говорят моряки, на юте — щенок познакомился с главным хозяином палубы боцманом Некрячем. Знакомство, правда, вышло не очень удачным. Шланг облюбовал себе чугунную тумбу, за которую корабль канатом притягивают к берегу. — кнехт. И только-только он поднял на кнехт заднюю ногу, как тут же раздался сердитый бас боцмана:

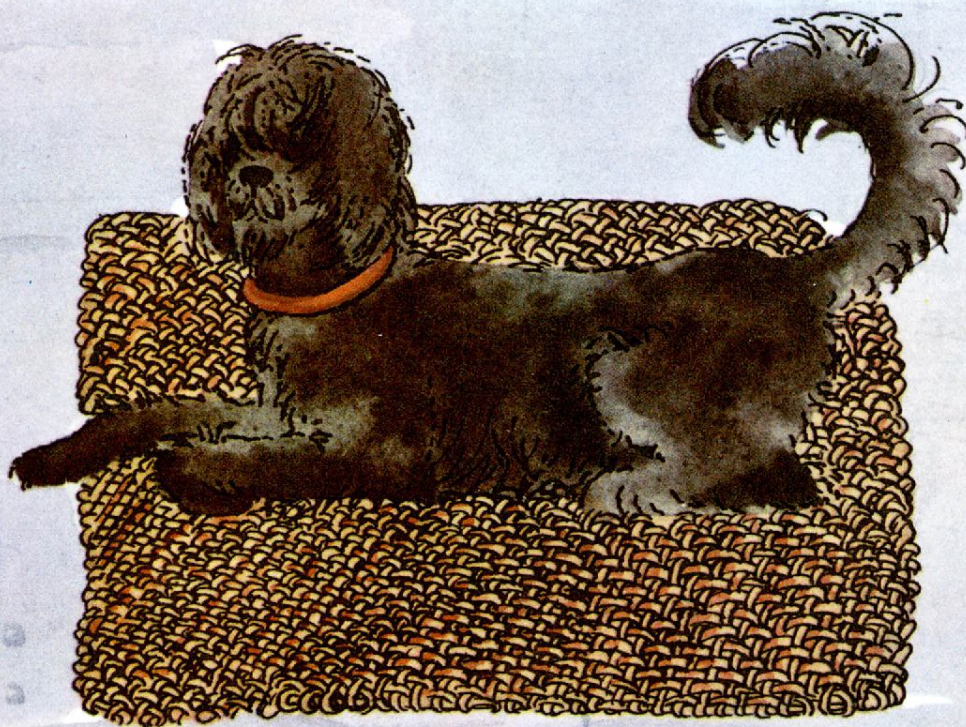
— А вот гадить на палубе не положено!

И небожно хлестнул по мохнатому заднику цепочкой от ключей.

— Раз ты корабельный пёс, то блюди морскую культуру! — назидательно добавил Некряч.

Шлангу стало стыдно, и он никогда больше не задирал ногу ни на кнехты, ни на какие-либо другие устройства, соблазнительно торчавшие из палубы.

Зато к командиру Шланг ходил в гости запросто. Вzbегал по трапам в самый верхний коридор, устланный ковровой дорожкой, скрёбся лапами в полированную дверь и получал «добро» на вход.

— Пришёл? — осведомлялся Вересов. — Ну, что скажешь?

— Вав-вав-вав! — радостно отвечал Шланг, помахивая роскошным пышным хвостом. Он уже знал, что произойдёт в следующую минуту и почти никогда не ошибался.

— Силантьев! — вызывал командир вестового.

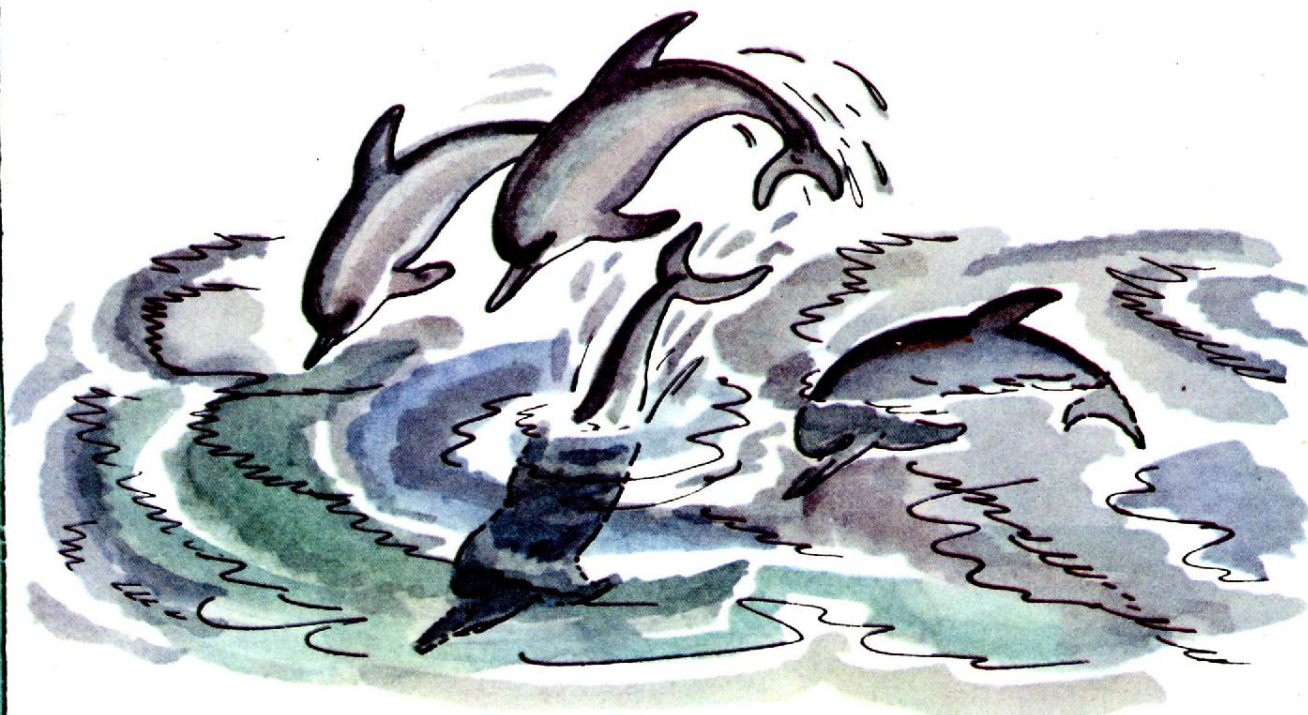
Матрос в чистой белой робе приносил из буфетной блюдечко со сгущёнкой, и Шланг благоговейно погружал свой язык в густую млечную сладость. Ничего вкуснее в своей жизни он не пробовал.

Потом, на склоне собачьего века, вспоминая своё щенячество, Шланг всегда ощущал на языке этот нежный сладостный вкус. Пожалуй, юные годы его были даже несколько приторны, как сгущёнка, ибо редко какому ещё из его хвостатых собратьев достава-

лось столько внимания и ласки. Матросы — а их было много на «Садко» и все они скучали по дому, берегу и всякой земной живности — не упускали случая, чтобы не погладить, потрепать, помять, почесать кудлатого кутёнка, чтобы не сунуть ему кусочек сахара, хлеба, а то и косточку с хрящичком, припасённую с обеда. Единственное, что омрачало Шлангу жизнь, — это штормовая качка. Едва почуяв первые признаки непогоды, щенок, смешно переваливаясь, — задние ноги не знали, куда бегут передние, — стремглав мчался в кубрик и заваливался за рундук. Там, лёжа на боку, упершись спиной в борт, а лапами в деревянный рундук — «расклинившись», как бывалый моряк, — он терпеливо переживал, когда уймётся валкая сила, то швыряющая корабль, то вздымающая его.

Но всё плохое на свете кончается, как, впрочем, и всё хорошее. Море уставало, стихало, и тогда снова можно было выбираться на палубу, вволю дышать свежим воздухом, греться на солнце и пугать громким лаем летучих рыб, которые выпархивали из воды на длинных трескучих плавниках и снова шлёпались — наверное, от страха — в прозрачные волны. А ещё подплывали дельфины и пробовали тоже выскочить из моря, но у них это получалось хуже, чем у летучих рыб. А ещё взрезали волны косые плавники акул. А ещё... Но тут по кораблю разносился металлический голос: «Команде руки мыть! Приготовиться к обеду!» И Шланг мчался на правый борт, где из приоткрытой двери камбуза струились в море прекрасные запахи флотского борща и тушёного мяса.

Однажды «Садко» получил задание разыскать на дне Чёрного моря советскую подводную лодку, лежавшую там со времён войны. Делалось это так. С борта судна свешивалась над водой смотровая камера — этаким стальной гриб с множеством круглых глазков по краям «шляпки». Через люк в макушке влезал внутрь матрос-наблюдатель, становился в «ножке» в полный рост, закрывал над головой тяжёлую литую крышку и докладывал по телефону: «К погружению готов!» Тогда специальная корабельная лебёдка раскручивала трос, и «гриб» смотровой камеры медленно погружался в воду, уходил на глубину, зависал над самым дном. Матрос-наблюдатель посматривал в окошечки-иллюминаторы, закрытые очень толстыми стёклами, и сообщал по телефону на корабль, что он видит вокруг. Но сколько ни погружалась камера в море, ничего, кроме обросших зелёными махрами донных камней, наблюдателям не попадалось. Командир даже стал сомневаться: а правильно ли ему указали место гибели подлодки? Переживала вся команда. Всем хотелось найти последнее пристанище героического экипажа, поднять с лодки пушку или гребной винт, чтобы на берегу, в Севастополе, поставить, как памятник...

После обеда настал черёд идти под воду хозяину Шланга, матросу Котову. Пёс побежал провожать его. И вдруг Федя подхватил щенка и прыгнул вместе с ним в тесный стальной «гриб».

— Пора тебе, брат, оморячиться! — сказал он. — Не забоишься?

В смотровой камере прескверно пахло сырым железом и старой краской. Когда же Котов закрыл люк, стало и вовсе невесело:

сумрачно, глухо, страшно. Шланг даже заскулил слегка: «Не хочу, не хочу, не хочу...» Но хозяин легонько потрепал его по голове, и щенок замолк. Тут камера пошла вниз, качнулась на волне, вода подступила к окошечкам близко-близко, лизнула их раз-другой, а потом стёкла застлала зеленовато-голубая пелена, пронизанная струйками блестящих пузырьков. Это выходил на поверхность воздух, прихваченный стальным «грибом».

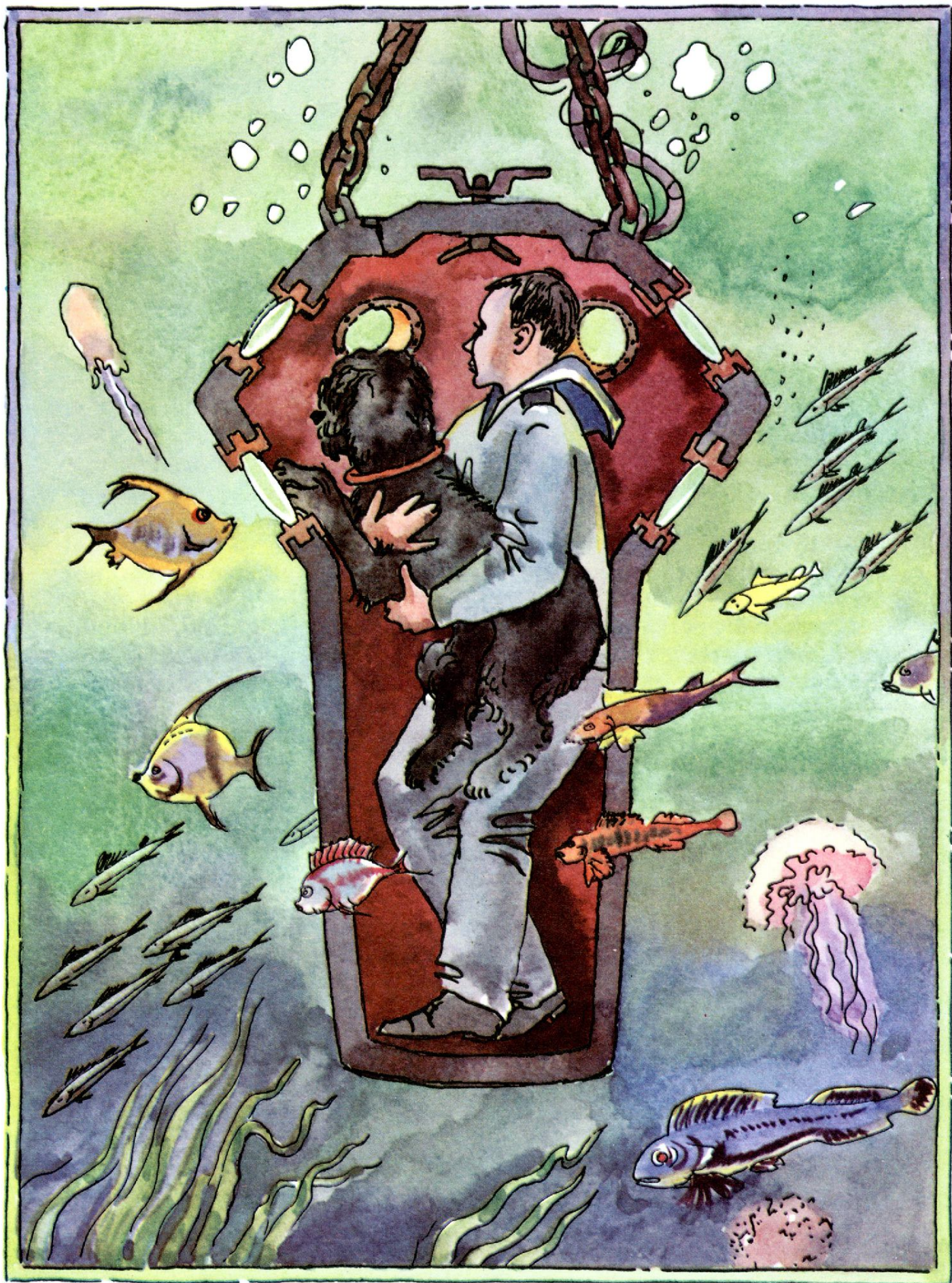
С каждым метром погружения мир за круглыми окошечками тускнел, наливался синевой глубины. Вдруг у самого стекла вспорхнула стайка юрких чёрных рыбок. Самые любопытные из них тыкались носами в стекло, точь-в-точь, как это делали их золотистые сёстры в аквариуме, что стоял в каюте командира. Только на сей раз всё было наоборот: Котов и Шланг как бы сами сидели в «аквариуме», доставляя рыбам удовольствие разглядывать себя сквозь стёкла. Шланг не выдержал и тявкнул.

— Ты чего? — удивился матрос. — Это морские ласточки. Видишь, какие у них хвосты? Будто вилки. Как у настоящих ласточек...

— Котов, ты чего там бубнишь? — спросили по телефону сверху, с корабля, который покачивался теперь высоко-высоко над их головами.

Матрос Федя замолчал и стал внимательно вглядываться в сумрачную синеву, сквозь которую смутно проступали глыбы мохнатых подводных скал. «Ласточки» упорхнули вверх, туда, где

в толще воды ещё играли солнечные лучи. В смотровой камере стало холодно. Шланг задрожал мелко-мелко. Широкая тёплая ладонь хозяина легла на спину и согрела её.

«Наверное, ни одна собака в мире не погружалась на дно моря,— с гордостью подумал Шланг и встряхнул вислыми ушами.— А уж всякие одноглазые коты,— вспомнил он Пирата,— и вовсе».

В иллюминаторах медленно, чуть покачиваясь, проплывали причудливые нагромождения скал.

— Стоп! — закричал Котов в микрофон. — Возьмите чуть правее... Кажется, что-то вижу!

Шланг же ничего интересного не видел. Просто на пути у них пролегло нечто длинное мохнатое с горбом посередине. Но это и была затонувшая подводная лодка; намётанный глаз матроса сразу же разглядел в «горбе» очертания боевой рубки.

Смотровую камеру быстро подняли. Открыли люк. Шланг тут же выпрыгнул, радуясь солнцу, простору и свежему воздуху.

Вместе с Котовым они были героями дня. И все говорили:

— Вот как со Шлангом погрузились, так сразу и нашли. Раньше бы его посадить...

А на другой день Шланг снова прославился. «Садко» стоял на якорях над найденной лодкой. Под водой работали водолазы. Они снимали с палубы пушку. К полудню возле спасательного судна появился иностранный тральщик. Его командира очень интересовало, чем заняты советские моряки. Тральщик заходил то с носа, то с кормы, поднимая волну, которая раскачивала тросы и мешала водолазам делать своё дело.

— Эх, принесла тебя нелёгкая! — досадовал Вересов, глядя, как настырный чужестранец проходит вдоль борта в опасной близости. Мало того, на носу тральщика стоял холёный мраморный дог и хрипло облаивал «Садко».

Этого Шланг стерпеть не мог. Он привстал на тумбу кнехта и гневно прогавкал догу:

— Не смей лаять на мой корабль! Прочь отсюда!

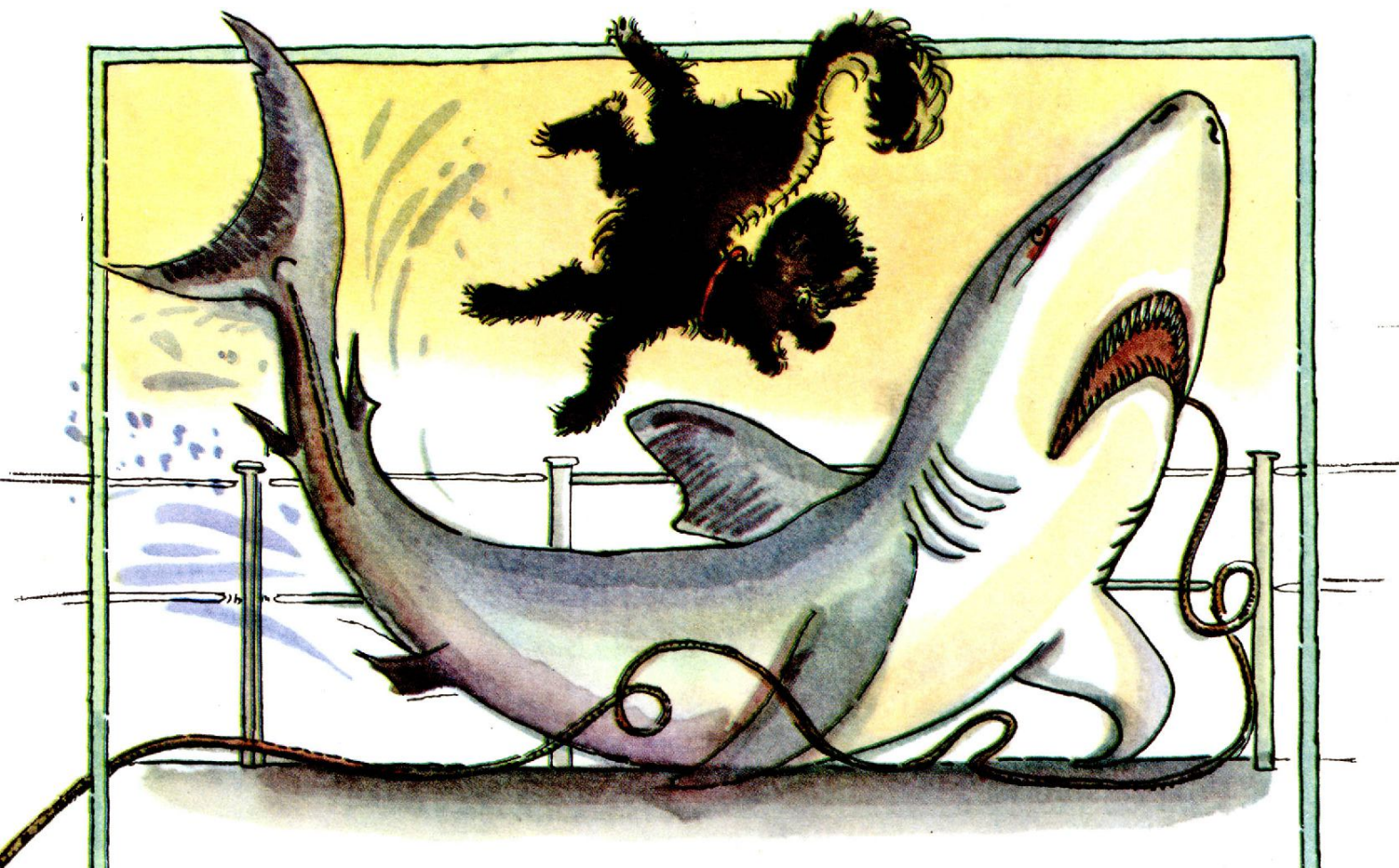
Но получилось совсем не страшно. Шланг был очень молод, и голос его ещё не окреп. Тогда боцман Некряч поднёс к морде Шланга микрофон палубного громкоговорителя.

— Ну-ка, скажи ему пару ласковых!

И Шланг сказал. Он сам немного испугался могучего рыка, который вырвался из мощных радиодинамиков:

— Рр-р-ав! Рр-ав!

Мраморный дог трусливо поджал хвост и убежал с палубы. А любопытный не в меру кораблик вдруг повернул прочь и ушёл

восвояси, как будто тоже струхнул. Так или не так, но командир его яснее ясного понял, как нежелательны были выкрутасы тральщика над работающими водолазами.

— Молодец, Шланг! — хвалили моряки пса. — Прогнал супостата.

Третий подвиг едва не стоил Шлангу жизни. Вот как всё случилось.

Спасательное судно «Садко» шло в одну из жарких африканских стран. За бортом — куда ни глянь — синело самое голубое в мире Средиземное море. Боцман Некряч стоял на корме и забрасывал в воду тоненький, но очень прочный шнур с большим, толщиной в мизинец, крючком — ловил акулу. Очень скоро зубастая хищница жадно проглотила тухлую колбасу, насаженную на крючок, словно огромный толстый червяк, и боцман с помощью ещё двух матросов с трудом вытащил акулу на палубу. Могучая рыба извивалась, подпрыгивала, разевала свою страшную пасть с множеством острейших зубов, загнутых внутрь, чтобы держать добычу мёртвой хваткой.

Никто не решался подойти к взбесившейся от ярости живой мясорубке. Откуда ни возьмись выскочил Шланг и... бросился на морское чудовище. То ли ему показалось, что акула сама запрыгнула на палубу, чтобы проглотить родных ему людей, то ли в нём

проснулась дремавшая до поры бойцовская кровь, но только с глухим грозным рыком он подскочил к пляшущей пиратке с явным намерением вцепиться в белое скользкое брюхо. Все ахнули! Ещё секунда — и бедному псу несдобровать. Акула выгнулась, подпрыгнула и ударом хвоста отбросила Шланга так, что, описав дугу, он перелетел через ограждение борта и плюхнулся в море.

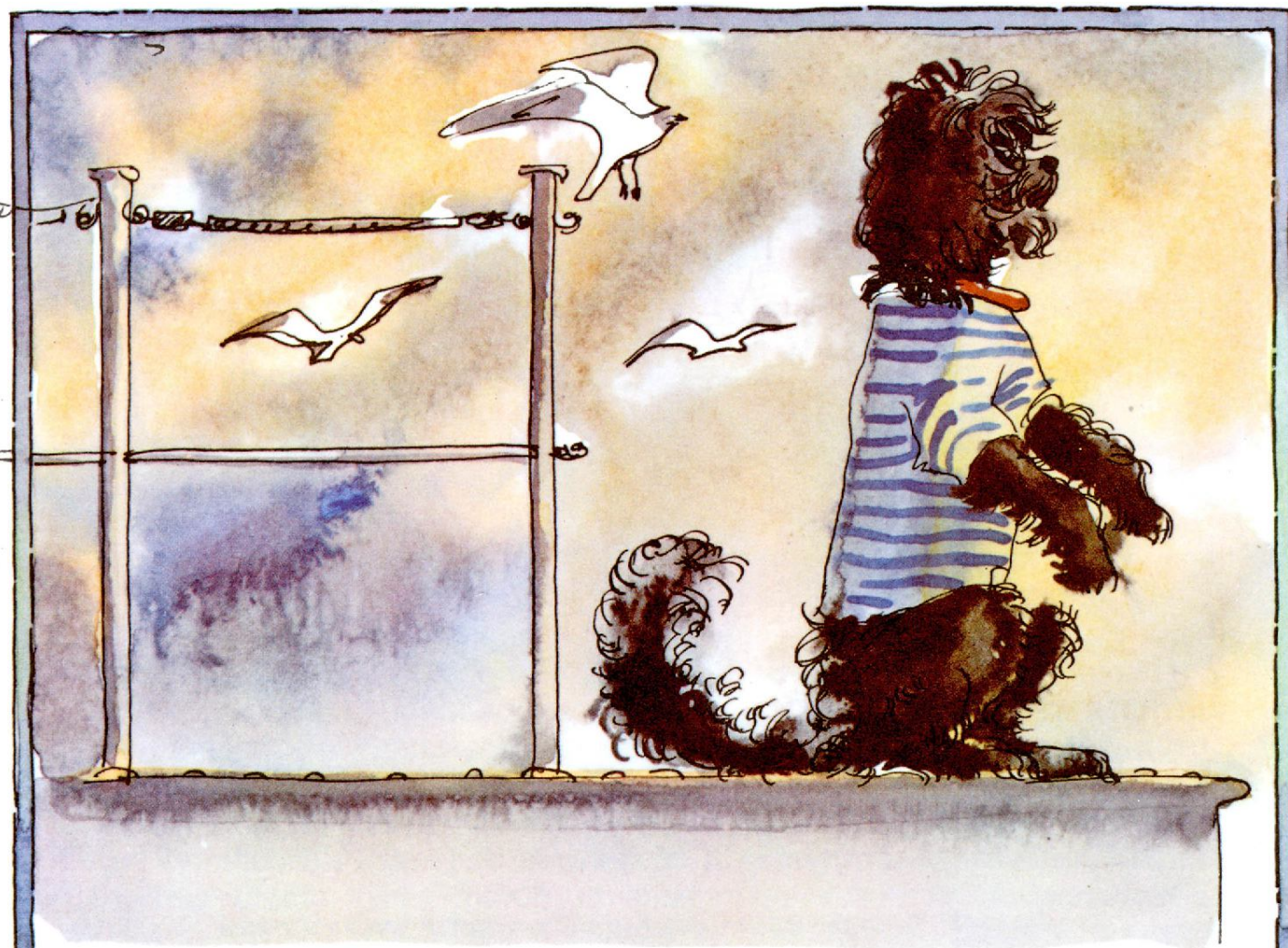
Первым пришёл в себя боцман Некряч.

— Человек за бортом! — крикнул он на мостик.

И тотчас же командир корабля приказал застопорить ход. Матросы быстро спустили на воду самую маленькую шлюпку — «тузик». Они гребли изо всех сил... По счастью, Шланг, как и все собаки, был прирождённым пловцом. Тяжёлый медный ошейник и намокшая длинная шерсть тянули его ко дну, но пёс отчаянно перебирал лапами. Он видел: на помощь ему спешит «тузик». Успеет или не успеет? Успел... Шланга вытащили за шиворот. Он долго стряхивал с себя солёную воду и тяжело дышал.

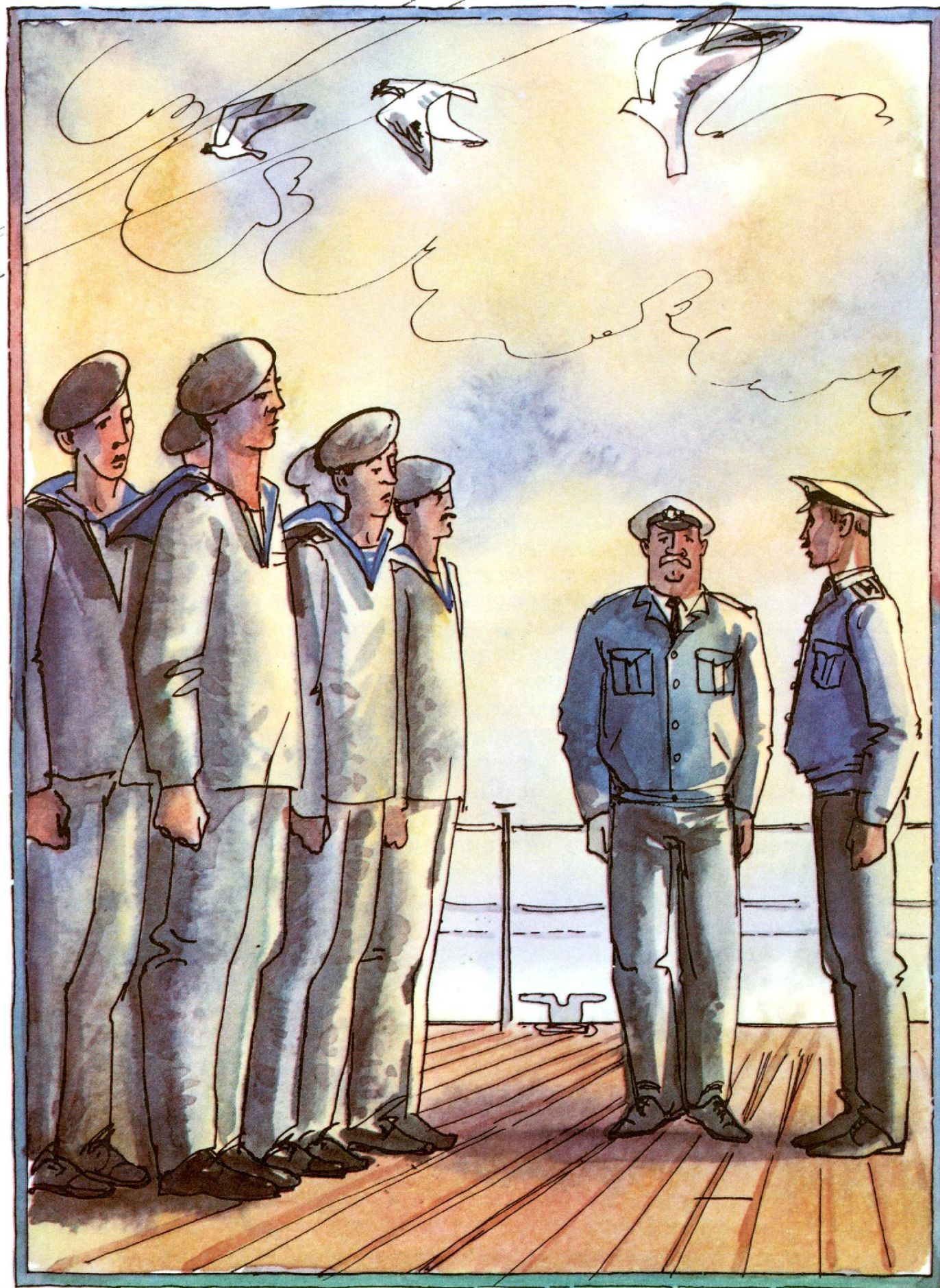
Целый день на судне только и разговоров было, как героически бросился Шланг на акулу и как не спасовал он в воде. А Федя Котов сшил своему любимцу маленькую тельняшку и к всеобщему восторгу натянул её на Шланга. Даже боцман Некряч не сказал против ни одного слова, хотя, конечно же, мог поворчать, что тельняшка — это «морская душа» и её негоже надевать на собаку. Понимал Некряч, что и в четвероногом бойце душа жила всё же морская.

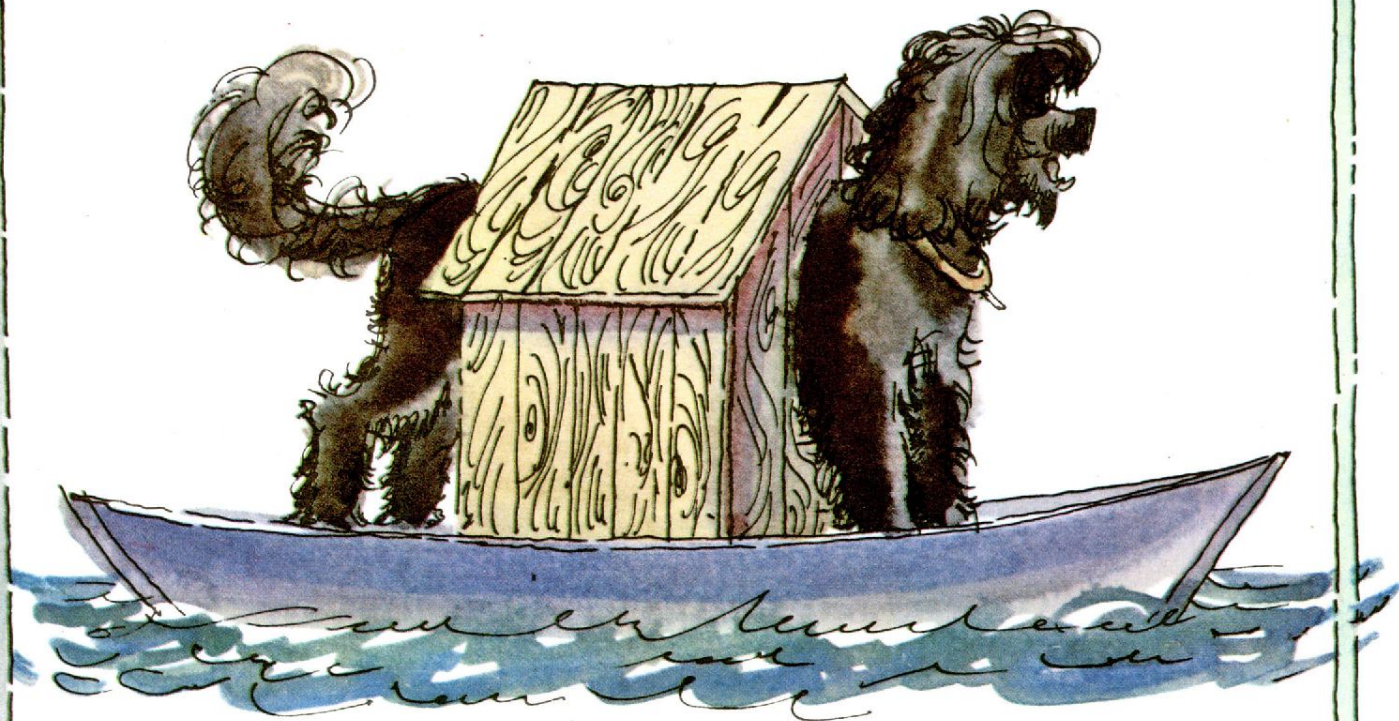

За два года корабельной жизни Шланг из потешного неуклюжего розовопузого щенка превратился в красивого крепкого пса весьма неопределённой породы. Был он невысок, но широк в груди. Из-под буйных косм тибетского терьера, скрывавших глаза, едва выступала смышлёная мордочка пуделя. Шерсть у Шланга, густая и длинная, сама собой распадалась на голове и спине на прямой пробор. Вислые курчавые уши ниспадали до плеч и походили на парик английского лорда. Свой роскошный пышный хвост он закидывал на спину таким изящным извивом, вроде страусиного пера на дамской шляпе.

Разумеется, ни один судья на собачьей выставке не дал бы за него и ломаной медной медали. Слишком уж беспородными были все его стати. Но дело ведь не в наградах за красоту. Самым главным достоинством Шланга был его характер — незлобивый, покладистый, терпеливый. Шланг не напрашивался на ласку и не выскуливал что-нибудь вкусненькое. Был храбр, вынослив и весел.

Когда Шлангу по человеческим меркам исполнилось двадцать лет (три года собачьего века), жизнь его резко изменилась. Любимый его хозяин, на которого он не мог ни надыхаться, ни наглядеться,—матрос Федя Котов—засобирался домой. Кончился срок его военной службы. Парню не хотелось расставаться со своим другом, и он попросил командира отпустить Шланга с ним.

— Ну что ж,—сказал Вересов.—Куда хозяин, туда и собака. Жалко, конечно... Да забирай. Скажи писарю, пусть оформит проездные документы на тебя и на собаку.

На прощанье командир подарил Шлангу банку сгущёнки. Боцман Некряч—новый коврик, сплетённый из мягкого лня. Доктор—крепкий гребень, чтобы расчёсывать шерсть. Ну, а матросы долго трепали Шланга по спине, пожимали лапу и желали счастья в сухопутной жизни.

Так они и ушли: впереди Федя Котов в бушлате с надраенными пуговицами, за ним Шланг в начищенном до блеска медном ошейнике. Сели они в поезд и прикатили в лесной уральский городок, откуда Котов ушёл когда-то на флот.

Дом Котовых—бревенчатый, деревенский—стоял на берегу холодной быстрой реки. Шланга определили на жительство в просторную собачью будку. Она досталась ему по наследству от прежнего владельца—лайки Кучумки, попавшей на охоте под тяжёлую лапу медведя. Будку сделали когда-то из старого пчелиного улья, и потому в ней всё ещё стоял пугающе незнакомый запах мёда

и воска. Но не радовал Шланга и аромат свежего сена в подстилке. Он тосковал по запахам своей прежней жизни — сложному духу корабельного железа, краски, машинного масла, резины, борща, дешёвого одеколona, свежестиранных роб и, конечно же, по ни с чем не сравнимой солоновато-терпкой морской пыли от разбитой о борт волны. А запах звёзд над ночным морем?..

Больше всего его напугали пушистые белые бабочки, запорхавшие как-то утром сразу во всём воздухе — от земли до неба. Они не боялись ни рыка, ни лая, ни грозного щёлканья зубов, напротив — слетались всё гуще и гуще, садясь на крышу будки, на землю, на забор, на ели. Самые дерзкие спускались на нос и сразу же превращались в холодные капли... Шланг, странствуя по южным морям, никогда не видел снега.

Потянулись тоскливые зимние дни. Хозяин дотемна пропадал на работе. Приходил усталый и, легонько потрепав Шланга по загривку, уходил в избу смотреть телевизор. Всей-то и радости.

Правда, Федя запретил родителям держать собаку на привязи, и Шланг довольно свободно мог покидать пределы двора. Но уходил он редко и неохотно. Во-первых, в округе не было ничего интересного. Во-вторых, старожилка здешних мест, большая вихрастая дворняга с рыжими бровями, жившая в котельной возле бани, нападала на Шланга где только могла, пока однажды не сломала клык о его медный ошейник.

Постылая будка стояла на земле с унылой неподвижностью. Хоть бы разок качнулась... Единственная отрада — река. И то — лишь когда она вскрылась ото льда и забурилась, засверкала, заструилась.

Ясным весенним утром Шланг бегал по берегу, вынюхивая от скуки свои собственные следы. Захотелось пить, и он сбежал на край льдины, примёрзшей к береговым камням. Пока он лакал вкусную студёную воду, припай треснул и льдина поплыла по реке. Другой бы пёс заметался, заскулил, завыл... Но в Шланге недаром жила морская душа. Он спокойно сидел посередине ледяного «корабля» и, кажется, даже гордился своим неожиданным капитанством. Ему нравилось, как льдина покачивалась, как быстро неслась она на стремнине, как уходили назад берега... Он был уверен, что река непременно вынесет его в море, а там стоит «Садко», и льдина ткнётся в борт, и боцман Некряч радостно крикнет: «Подать сходню!», и Шланг взбежит по ней на родную палубу. Но вместо корабля льдина приткнулась к каменному «быку» железнодорожного моста, и не боцман, а какой-то старик в тулупе зацепил багром льдину и подтянул её к стальной решётчатой площадке, огибавшей каменную опору.

— Вот и приплыл! — сказал он Шлангу. — Давай вылезай! Поди, натерпелся?

Шланг нехотя покинул льдину и полез за стариком на мост по узенькой железной лестничке, очень напоминавшей корабельный трап.

— Ну, давай знакомиться, — сказал непрошенный спаситель. — Меня Матвей Матвеевичем кличут, а тебя как? Постой, постой, да ты при ошейнике. Ох, и знатный же, брат, у тебя ошейник! Чистая

медь. Да тут и написано чтой-то... «Сы-сы «Садко». Стало быть, Садко тебя зовут. А «сы-сы» что такое? Сукин сын, что ли? И так ясно, что не курицын. Должно быть, «сторожевая собака»... Это очень хорошо, что сторожевая! Я мост сторожу, вот ты мне и помощником будешь... Ну, пойдём, Садко!

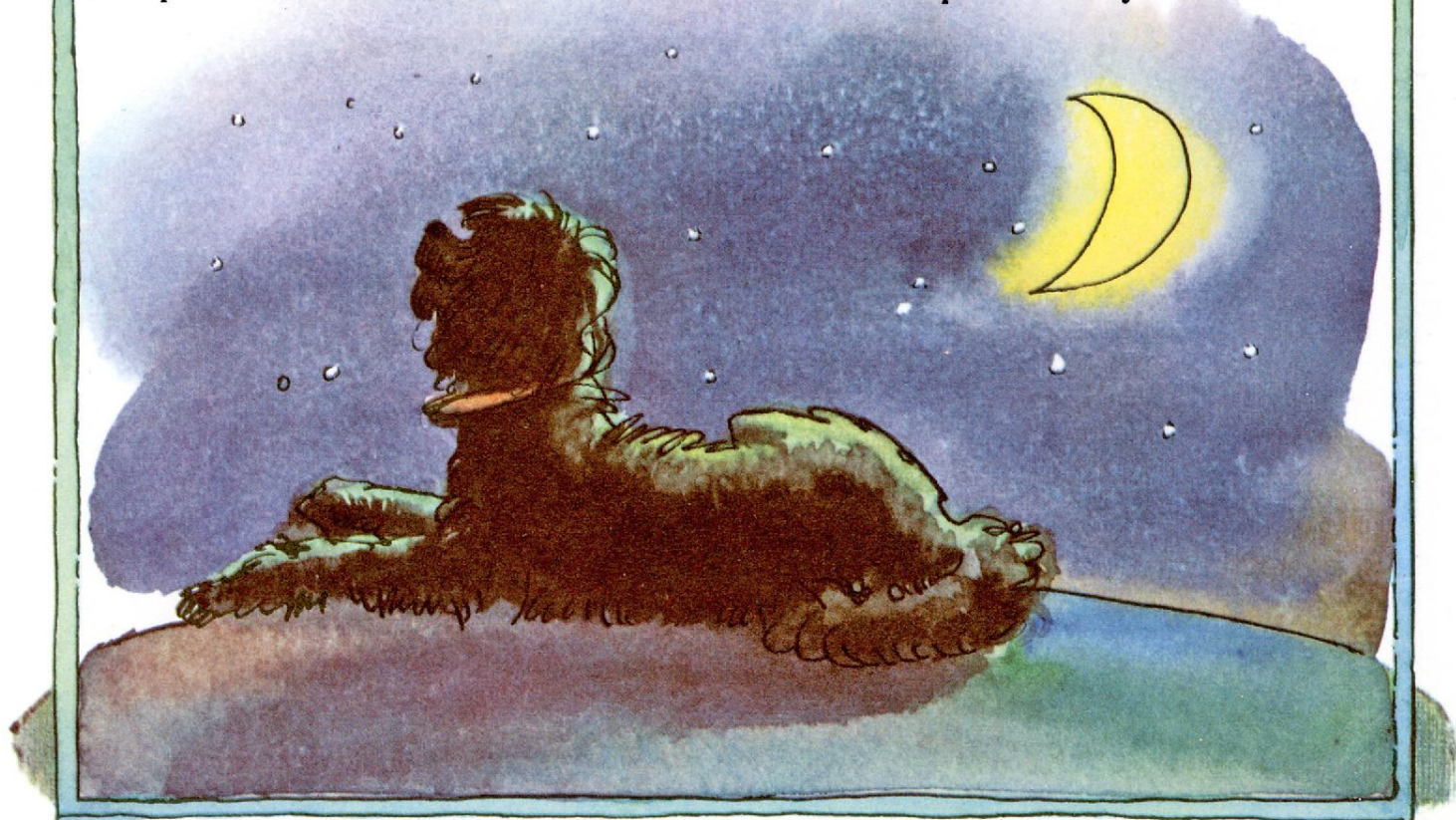
Услышав имя своего корабля, Шланг потрусил за стариком. Они пришли в сторожку неподалёку от моста. Рядом лежала перевернутая лодка. Под лодкой фыркали проснувшиеся по весне ежи. Шланг сразу понял, что это корабельные крысы, которые собираются прогрызть шлюпку, и с лаем заплясал возле лодки.

— О, так ты ещё и охотник! — приятно удивился сторож. — Так мы с тобой и на уток сходим, и зайчишку добудем.

Однако на первой же охоте выяснилось, что охотник из Садко никудышный. Старик бабахнул из ружья по уткам, а Шланг вместо того, чтобы бежать за подбитой птицей, набросился на Матвея Матвеевича с злобным лаем. Громкий звук выстрела и вонь сгоревшего пороха привели его в ярость. Старик еле отбилсЯ от него.

— Ну, раз так, брат, сиди дома! Видать, охота не по тебе.

Сидеть дома, то есть лежать в сторожке у печки, было ещё тоскливее, чем жить на дворе у Котовых. Шланг зевал так, что язык сворачивался в трубочку. Однообразие серых будней скрашивали поезда. С гулом и грохотом проносились они по мосту, оставляя за собой запах горячего машинного масла, горелого железа тормозных колодок, дымка вагонных топок. То был запах дальних странствий, но всё же звёзды над ночным морем благоухали иначе.

В начале осени к Матвею Матвеевичу приехал поохотиться давний его знакомый — московский писатель. Писатель был не стар и не молод. Он шумно радовался тихой лесной жизни, ругал городскую суету и всё предлагал сторожу поменять свою московскую квартиру на его избушку. Садко ему очень понравился, как впрочем, и всё вокруг.

— Странный пёс,— говорил он, раскапывая в шерсти собачьи глаза.— Выдерживает взгляд человека. Умная псина, хоть и помесь боксёра с водолазом.

Он первый догадался, что Шланга зовут вовсе не Садко.

— Раз «Садко» в кавычках написано, значит, это не кличка, а название какого-то предприятия. «С/с» — это, скорее всего, какой-нибудь «специализированный совхоз» или «сельский совет». Да и не похож он ни на какого Садко... Он напоминает мне некий экзотический цветок. Чёрную хризантему, например. Даже не цветок, а пока что бутон, который вот-вот распустится... Послушайте, это же отличная кличка! «Бутон! Бутон! Бутон!» — поманил писатель. И Шланг пристально посмотрел ему в глаза: «Чего надо?»

— Смотрите, да он отзывается! Вот умница. Ну, так и быть тебе Бутоном. А знаете что, Матвей Матвеич, отдайте-ка вы его мне, а? Всё равно он мышей не ловит. А я вам своего Шерифа переправлю. Тот охотник! Зверь! Французский бульдог. С родословной до десятого колена. Мне его только что, на Новый год, подарили. У него, правда, есть одна странность: галстуки не выно-

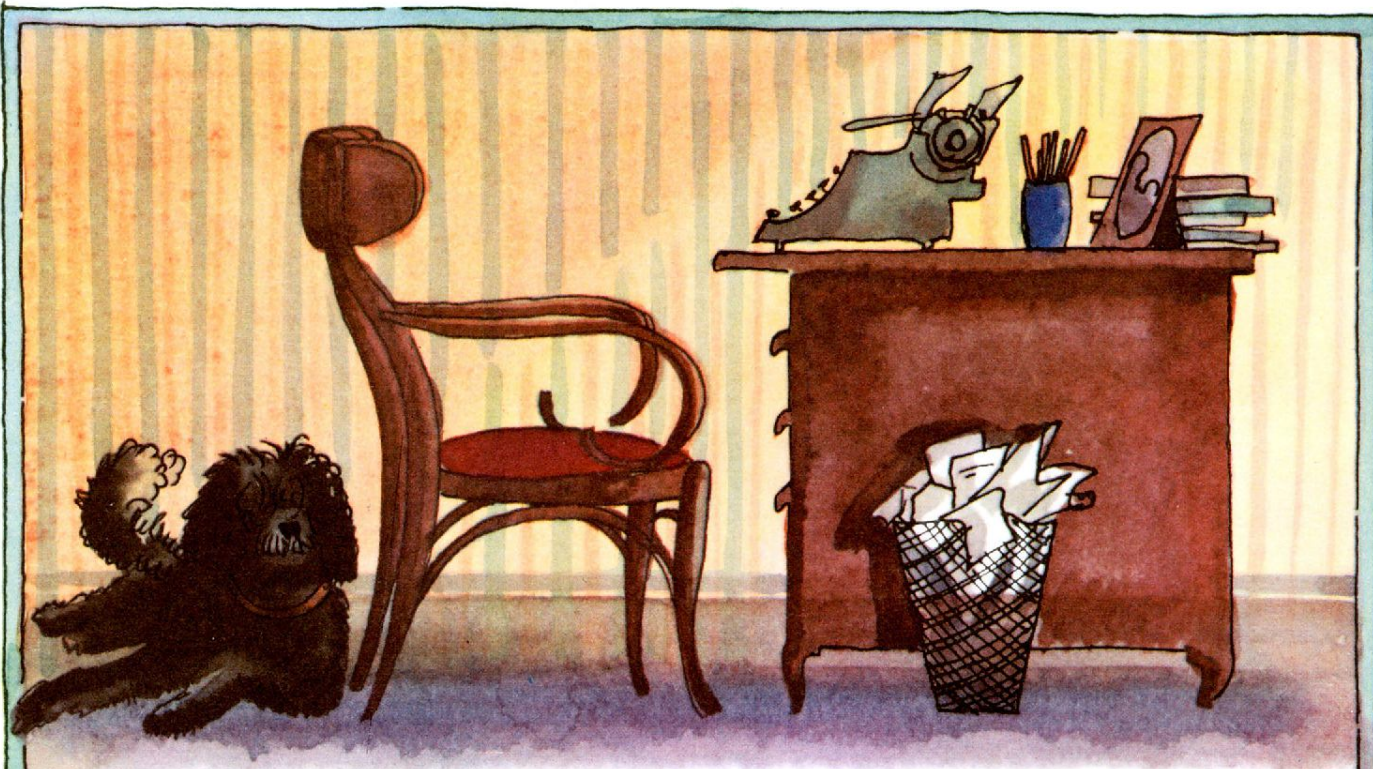
сит. Как придёт ко мне гость в галстуке — иногда очень солидный, важный человек — Шериф разбегается — прыг! — и уже висит на галстуке. Оторвать его невозможно. Челюсти — что ваш капкан. Снять его с галстука можно лишь одним способом: потянуть за хвост и дунуть в правое ухо. Но галстук уже безнадёжно испорчен. И гадит, подлец, здорово... Особенно под диваном. У вас дивана нет, да и гости в галстуках к вам не заглядывают. У вас он сразу образумится. Вы его к делу приставите. Бульдог всё же, хоть и французский...

Старик махнул рукой:

— Да забирайте так! Всё одно — приبلудный... А шустряка мне вашего и даром не надо. Он ещё бороду с галстуком перепутает. Мне ему ни в ухо ни дунуть, ни вовек оторвать, — смеялся сторож. — Так и буду ходить, как с медалью. Разве что ножницами отстричь с бородой вместе?

Смех смехом, а только забрал писатель Шланга-Садко-Бутон в Москву, и стал он жить высоко над землёй — на двадцать пятом этаже дома-башни, что стоит в Черкизове напротив Архиерейского пруда.

Ох, до чего же тоскливо быть собакой писателя! День-деньской сидит хозяин за столом и всё пишет, пишет, пишет. Вздыхает, скрипит креслом, шуршит бумажками. А ты лежишь в ногах и изображаешь прикаминную шкуру. И стучи хвостом в паркет, не стучи, он всё равно гулять пойдёт только к вечеру. Да если бы только гулять! Он же в аптеку какую-нибудь пойдёт или на почту, а ты сиди у дверей и жди, когда он из толпы вынырнет.

Больше всего Бутон не любил ходить в сберкассу. Во-первых, в ней у него не было совершенно никаких дел, а во-вторых, люди там стояли нервные, озабоченные, злые, будто в очереди у колбасного прилавка. Но у прилавка хоть благоухало колбасой, а в сберкассе нос сушила бумажная пыль да вонь закипающих чернил на искляксенном столике.

Нет, звёздами над ночным морем в Москве и не пахло. А глядя с балкона на невзрачный в огнях городского неба обломок луны, и вовсе хотелось взвыть по-волчьи.

Одно хорошо: если всех бесчисленных собак, живших в высоком доме — эрдель-терьеров, болонок, спаниелей, такс, борзых — выводили гулять на поводке, то Бутон всегда бегал сам по себе, так как его хозяин справедливо считал, что на поводке собака глупеет.

Бутон очень быстро втянулся в жизнь большого города. Безошибочно определял, к какой двери — из двух — подходит кабина лифта, без лишних приглашений забегал в неё, терпеливо ждал, когда раздвинутся створки, и первым выскакивал во двор. Он бе-

жал впереди хозяина, предугадывая его путь, а когда сомневался, куда свернуть, оглядывался и всё понимал по кивку головы: в подземный переход, за угол направо, прямо... Широкую оживлённую улицу он переходил, семена за хозяином след в след, как за поводом, и никогда не пытался перебежать сломя голову.

Его удерживал великий инстинкт сохранения жизни.

Если хозяин влезал в переполненный трамвай, то и Бутон отважно и ловко протискивался меж многих ног, сумок, портфелей, вызывая у кого лёгкую оторопь, у кого брань, у кого искреннее удивление.

— Боже, здесь ещё и собака!

— Куда лезешь, тебя здесь не хватало!

— Осторожно, собачку не затопчите!

— Затопчешь её, она вас как за ногу схватит!

— Бедненькая, иди сюда!

— Безобразие! В общественном транспорте и без намордника!

А Бутон, давно устроившись где-нибудь под сиденьем, слушал все эти пересуды, приводя в порядок всклокоченную шерсть.

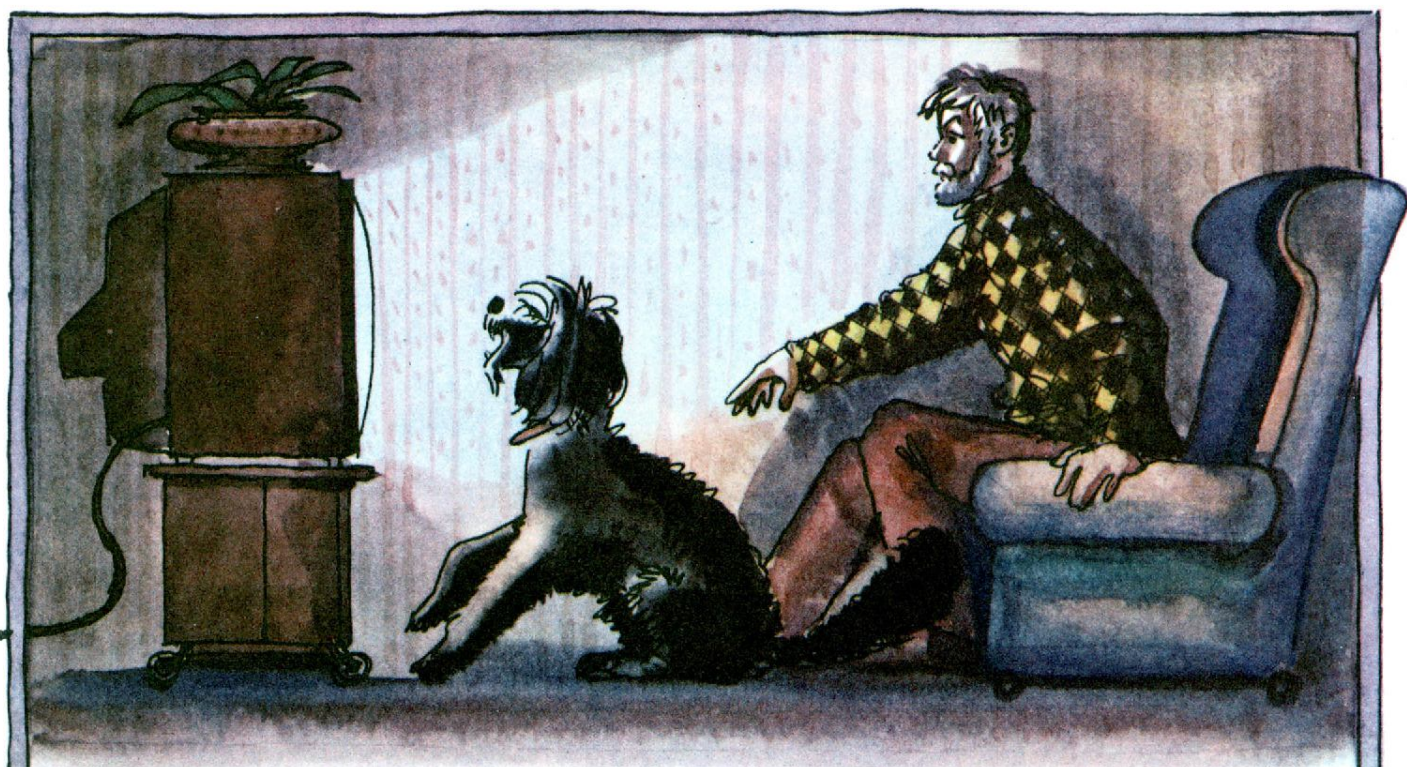
Зимой писатель закончил, наконец, свою книгу и стал жить как человек. По утрам теперь он бегал вокруг большого незастроенного пустыря. И не было для Бутона большей радости, чем обогнать хозяина в беге, забежать далеко вперёд и, победно улыбаясь, поджидать его, чтобы умчаться от него ещё дальше и снова поджидать, деловито выгрызая снег, набившийся в подушечки лап. Этот ком чёрной шерсти носился каким-то очень странным аллюром*, который можно назвать разве что «бег кубарем». Трудно было понять, то ли он скачет, то ли катится, оставляя в снегу не цепочку следов, как полагается благовоспитанной собаке, а широкую рыхлую борозду.

Потом они шли завтракать. Бутон и здесь обгонял хозяина, в мгновение ока проглатывая всё, что лежало в его миске. Хозяин же возился со своей едой томительно долго, разрезая её на кусочки, пережёвывая, запивая... Бутон старательно вилял хвостом, выманивая его на прогулку. «Ну пойдём же, пойдём,— умолял он взглядом,— нас ждут необыкновенные приключения. Стоит только выйти, и они начнутся!».

Никаких особых приключений на улице не случалось. Просто писатель очень много ходил по Москве и ездил, Бутон же охотно сопровождал его всюду и, чтобы не ставить хозяина в неловкое положение, всегда держался поодаль, делая вид, что он ничейный пёс. Он терпеливо ожидал хозяина у служебных подъездов, вскакивал в двери автобусов, в тамбуры электричек и никогда не терял из виду в самой густой толчее. Должно быть, писателю было приятно, что он не одинок в своих скучных скитаниях, и он уверял всех бессобачных знакомых, что добрый пёс в современном городе нужен человеку не менее, чем в пещерные времена, что никакие видеомagnитофоны и компьютеры не заменят горожанину радость общения с посланцем из царства зверей и животных...

— А самое главное,— восторгался писатель,— он совсем не болтлив и не мешает думать!

* Аллюр — вид скачки: рысь, галоп и пр.

9

Счастливым случай — в который раз! — решил судьбу Бутона. Однажды хозяин увидел по телевизору весьма взволновавший его репортаж о том, как спасательное судно «Садко» пришло на помощь загоревшемуся в море теплоходу. Когда на экране промелькнул спасательный круг с надписью «с/с «Садко», писатель понял, что означают загадочные буквы на медном ошейнике.

Понял и Бутон, что показывают его родной корабль. Лежа под столом, он вдруг услышал голос Вересова, который отвечал на вопросы репортёра. Он тут же выбрался из-под стола и уставился на экран, где мелькали знакомые лица. Он ушам своим не поверил, когда телевизор заговорил голосом Феди Котова, потом голосом доктора. Пёс вскочил, заскулил, забегал вокруг телевизора и даже забросил передние лапы на деревянный ящик, как будто тот мог раскрыться и пустить его внутрь кубрика.

Весь вечер Бутон пролежал на коврикe, грустно уткнув нос в пушистый кончик хвоста. Даже есть не пошёл. И утром не подошёл к миске, хотя там и лежал кусок чайной колбасы. На прогулку поплёлся нехотя, понуро опустив голову. Одним словом — затосковал всерьёз и надолго.

И тогда хозяин сел и написал письмо в Севастополь, командиру «Садко». Так, мол, и так, попал ко мне чёрный пёс с медным ошейником, на котором выгравировано имя вашего корабля. И хотя я

очень привык к этому обаятельному существу и мне будет очень жалко с ним расставаться, всё же готов передать его вам, так как Бутон буквально чахнет от тоски по своему первому дому.

В тот же день он бросил конверт в почтовый ящик. Прошла неделя, другая, третья. И писатель совсем уж было забыл про своё письмо. И вот однажды весенним утром затрезвонил дверной звонок. Бутон бросился в прихожую облаивать гостя, как всегда, но первый же грозный рык застрял в горле: на пороге стоял человек в чёрной флотской шинели. От неё шёл восхитительный запах моря, корабля, палубы, ветра...

— Я с «Садко», — сказал матрос. — Возвращаюсь из отпуска на корабль. Командир дал мне ваш адрес и попросил забрать Шланга.

— Шланг? — удивился писатель. — Нет у меня никакого шланга. Разве что в ванной — от гибкого душа...

«Да это же я — Шланг! — радостно повизгивал Бутон. — Я — Шланг. Я, я! Это за мной пришли!»

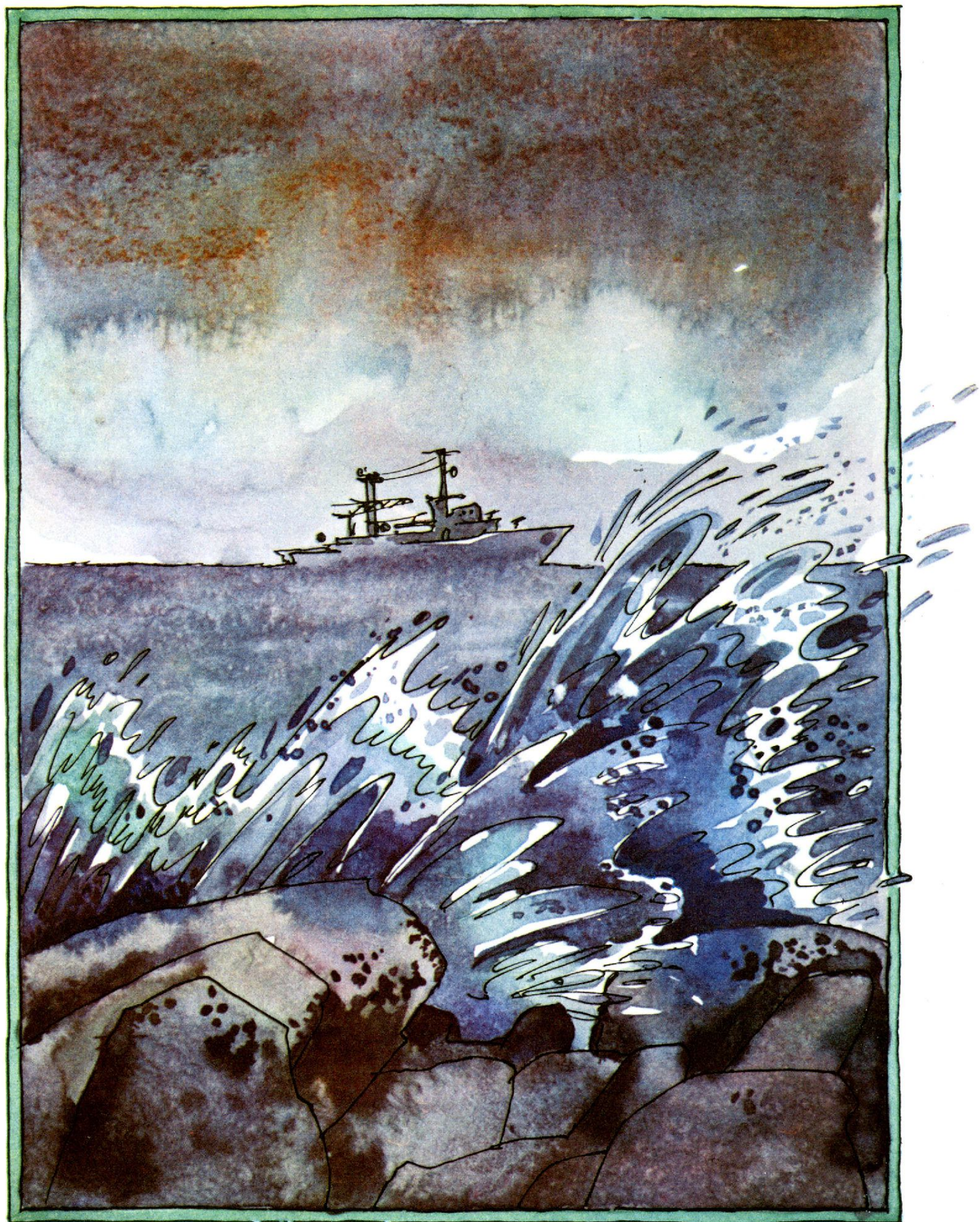

— Ах, вот оно что! — догадался, наконец, хозяин, который, впрочем, был теперь уже и не хозяин. — Ну что ж, забирайте. Только знайте, что у него есть и запасная кличка, своего рода псевдоним — Бутон.

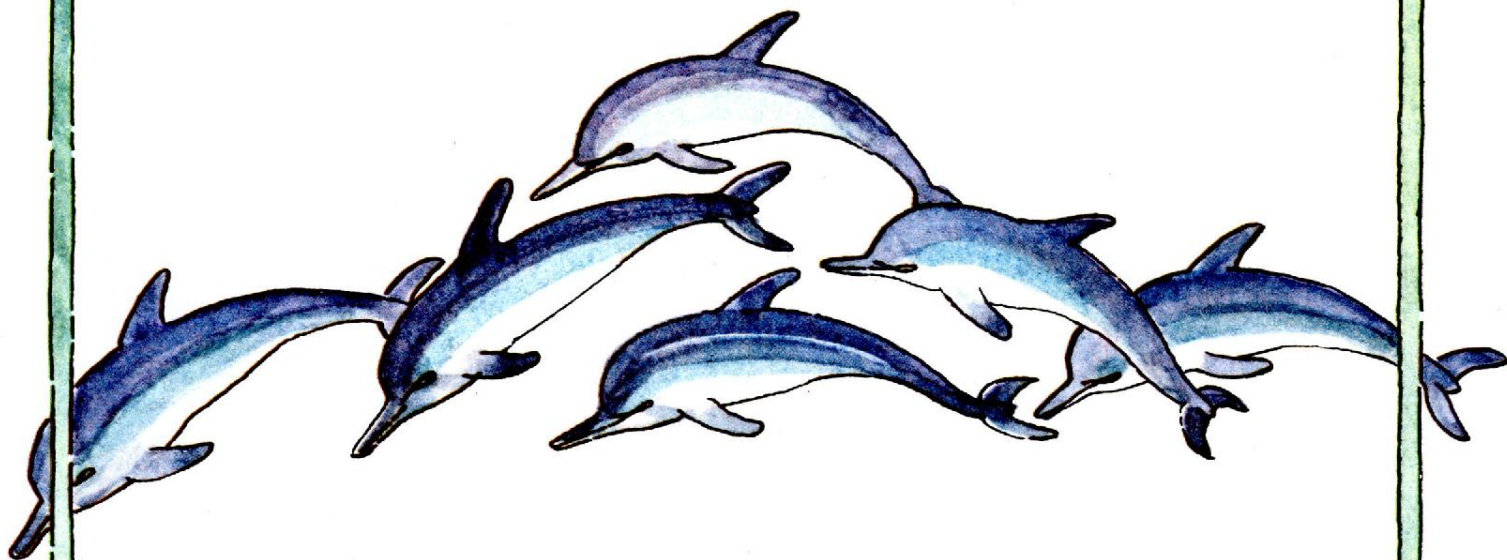
Он потрепал его на прощанье за уши. А Шланг блеснул ему жемчужной подковкой зубов из-под навеса чёрных прядок. Розовый язык дрожал от счастья.

Писатель помог матросу добраться до вокзала и устроить пса в вагон.

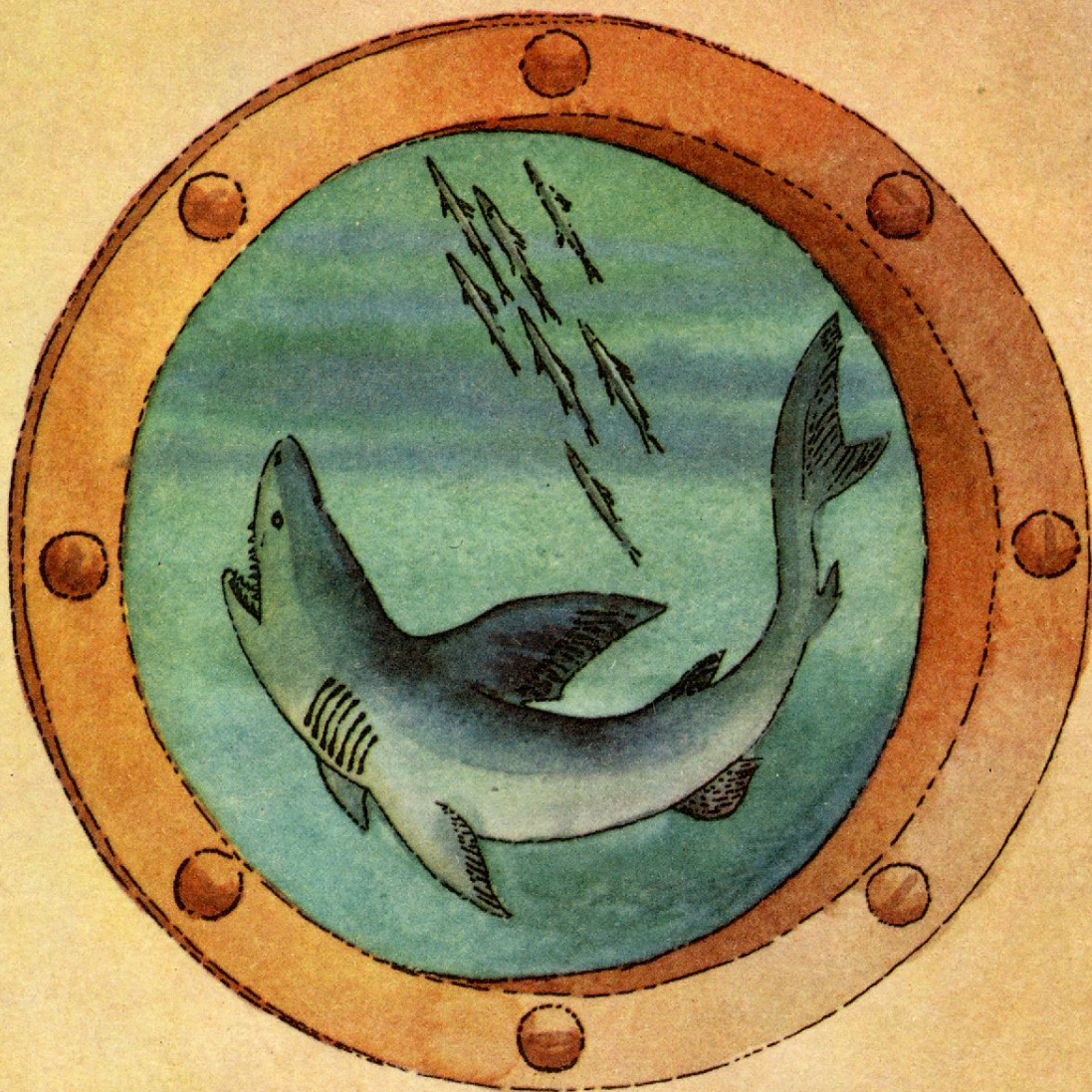

А в Севастополе, в Стрелецкой бухте, на палубе «Садко» Шланг вдруг увидел Федю Котова, который подхватил пса на руки и крепко прижался щекой к косматой морде. Оказывается, Федя тоже не смог жить без корабля и моря. Он окончил мичманскую школу и пришёл на «Садко» вместо боцмана Некряча, который списался на берег по здоровью. Теперь Федя, мичман Котов, жил в отдельной каюте, куда он поселил и Шланга. И уж с той поры они не расставались ни на море, ни на суше.

для младшего школьного возраста
Николай Андреевич Черкашин
ЧЕРНЫЙ ПЕС В МЕДНОМ ОШЕЙНИКЕ
 Художник **Е. Свердлов**

Редактор Г. Гладкова. Художественный редактор Д. Пчёлкина.
 Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Шадрина.
 ИБ № 2993

Сдано в набор 12.12.89. Подписано в печать 29.07.91. 60×90/8. Бумага офс. № 1.
 Гарнитура Литерат. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л.
 4,05. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1828. Заказ № 127.

Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации РСФСР 170040.
 Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ч 4803010201—052—63—92
 М102(03)—92

ISBN 5—213—00266—8
 © Черкашин Н. А., 1992
 Свердлов Е. А., 1992